

УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИИ И ПРЕДЕЛЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ¹

Чем объяснить столь разнонаправленные траектории политических трансформаций в посткоммунистических странах и широкий спектр возникших политических режимов – от консолидированных либеральных демократий и «демократий с изъянами» до различных «гибридов», новых автократий разных типов и персоналистских диктатур? Наличием или отсутствием необходимых социально-экономических и культурно-цивилизационных предпосылок, «колея зависимости», интересами старых и новых элит, избираемыми ими политическими стратегиями, дизайном институционального строительства, монопольными решениями исполнительной власти, какими-то иными факторами? Или, если поставить вопрос шире: существуют ли какие-то специфические условия объективного характера, способствующие или препятствующие формированию новых демократических институтов и практик; и что (или кто) определяет пределы («потолки») демократического развития в конкретном социально-историческом контексте?

В статье осуществлена попытка использования качественных и количественных методов сравнительного анализа для выявления ключевых факторов, влияющих на траектории и результаты режимных изменений в посткоммунистических странах. Главная задача заключается в том, чтобы понять, какие из этих факторов и в каких ситуациях наиболее значимы для объяснения характера и результатов посткоммунистических режимных трансформаций.

¹ Статья подготовлена при поддержке Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В докладе используются материалы, полученные в рамках проекта «Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и/или новые автократии» (А.Ю. Мельвиль, А.В. Загорский, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунина, Д.К. Стукал, И.Н. Тимофеев, О.Г. Харитоновна, Р.У. Камалова, Д.М. Хенкина).

Постановка проблемы: структуры или акторы?

В современной литературе, посвященной проблемам демократии (прежде всего, ее генезису и эволюции), факторам ее возникновения и поддержания, проблемам изменения политических режимов и др., выделяются две крупные парадигмы. Первая, возникшая в качестве магистральной объяснительной модели в сравнительной политологии в 1950–1960-х годах, исходит из тезиса о том, что возникновение институтов политической демократии является результатом определенных «объективных» процессов и предпосылок. Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нациеобразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможно демократического строительства.

Вторая объяснительная парадигма возникла в политической компаративистике в 1980-х годах как попытка разработать теоретико-методологическую модель объяснения режимных изменений «третьей волны» демократизации. В данном случае основной упор был сделан не на предпосылках и условиях возникновения демократии, а на конкретных политических решениях и действиях акторов, разрабатывающих политические стратегии и тактики и стремящихся претворить их в жизнь. С этой точки зрения для формирования демократических институтов и процедур нет нужды ждать вызревания объективных, структурных условий и предпосылок, главное – в «субъективных» решениях и действиях ключевых для демократизации акторов, прежде всего различных элитных групп.

«Структурный» подход к проблематике формирования и развития демократии изначально фокусировался на анализе «первой» и «второй волн» демократизации (в известной классификации С. Хантингтона), т.е. становления первых (в современном понимании) демократических политий в Европе и Америке в XVII–XVIII вв. и вплоть до периода после Второй мировой войны. Однако его посыпки, в принципе, применимы и к анализу «третьей волны». В обосновании преимущественной роли «структурных» факторов в качестве

необходимых условий и предпосылок демократии выделяются следующие основные модели аргументации.

Переход от аграрного к индустриальному обществу и формирование новой социальной структуры с центральной фигурой буржуа.

Формирование эффективной государственности, государственного единства и национальной идентичности как главного условия демократии. Отдельный вопрос связан с возможностями внешнего навязывания («содействия развития») демократических институтов при отсутствии состоятельного государства.

Относительно высокий уровень экономического развития как условие демократии. Это едва ли не доминирующее направление аргументации, породившее гигантскую литературу теоретического и эмпирического характера, причем дебаты продолжаются.

Политическая культура «гражданского» типа – аргумент, тоже ставший почти классическим, хотя целый ряд социологических исследований показал, что сами переходы к демократии могут начинаться в условиях, когда «гражданские» ценности не являются ни доминирующими, ни распространенными.

Отсутствие в обществе непримиримых или острых расколов – социальных, этнических, религиозных, территориальных и др., а также чрезмерной фрагментации и сегментации общества. Опять-таки, это распространенный в литературе аргумент, но не универсальный, хотя бы потому, что выносит за скобки прецеденты демократического строительства в «многосоставных» обществах.

Экономическое развитие, не основывающееся на ресурсной модели (resource curse) государства-рантье. При сохраняющихся нюансах в оценках, по этому вопросу существует относительное согласие.

Религиозные традиции протестантизма (и позднее – католицизма) как благоприятные условия для демократии. Здесь доминирует тема ислама как препятствующей демократизации религиозной культуры и двойственных эффектов православия, буддизма и конфуцианства при практически отсутствующей теме иудаизма. При кажущейся очевидности вопрос о взаимоотношениях ислама и демократии, тем не менее, не закрыт, о чем свидетельствуют как продолжающиеся дискуссии, так и недавние революционные свержения ряда диктатур в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Качество институтов как характеристика стабильной и эффективной демократии.

Отсутствие в обществе чрезмерного имущественного неравенства.

Международные влияния на режимные изменения, происходящие в отдельных транзитных странах или группах стран. Для нашего исследования важно зафиксировать одну четко выявленную в литературе зависимость – между типом формирующегося режима и его открытостью внешним (каким бы то ни было, идущим от какого бы то ни было источника – США, ЕС, РФ, Китая, Турции, Ирана и т.д.) влияниям.

Альтернативный – *процедурный, актор-ориентированный* – подход, делающий упор на субъективные факторы, влияющие на характер и направленность режимных трансформаций, исходит не из «органистического» представления о возникновении («произрастании») демократии из набора объективных предпосылок, а из своего рода конструктивистской установки, согласно которой демократические институты и практики можно «сконструировать» по определенным «лекалам». Основные факторы, которыми сторонники процедурного, актор-ориентированного подхода объясняют траектории и результаты транзита, следующие:

- *характер и особенности «выхода» из авторитаризма* (или посттоталитаризма) при начале демократического транзита (применительно к посткоммунистическим странам – особенности кризиса правящих компартий; инициатива реформ «сверху»; протестное давление «снизу»; наличие или отсутствие «пакта»/«круглого стола» и др.);
- *роль и влияние институционального дизайна*, избираемого для новой демократии (форма правления, характер партийной и избирательной систем и др.);
- *взаимоотношения со «старой» и «новой» оппозицией* и в целом – формирующаяся система взаимодействий между ключевыми политическими акторами на всех стадиях режимной трансформации (во многих случаях в соответствующей литературе используются модели теории игр);
- *смена или сохранение старых элит* в каких-либо «превращенных» формах;
- особенности проведения *первых учредительных выборов (founding elections)*;
- *ротация власти* как один из ключевых критериев демократического правления;
- *уровни реальной (неформальной) политической конкуренции*, прежде всего на выборах главы государства и легислатуры;
- отношение власти к *политическому плюрализму*;

- *качество проводимых выборов;*
- *использование властью или оппозицией насилия для достижения политических целей и результатов;*
- *наличие эффективных институциональных ограничителей (в том числе реального разделения властей), препятствующих злоупотреблениям полномочиями исполнительной власти, и др.*

Важно подчеркнуть, что при всех их различиях не стоит преувеличивать полярность и непримиримость структурного и процедурного подходов к анализу демократии и демократизации, в том числе режимных изменений. В действительности влияние объективных, структурных факторов осуществляется через субъективные действия реальных политических акторов, в то время как особенности принимаемых акторами решений и выбираемых ими стратегий и тактик, в свою очередь, во многом коренятся в специфике исторических, культурно-цивилизационных, социально-экономических и иных условий.

Вместе с тем эти два теоретико-методологических подхода реально используются в качестве двух альтернативных объяснительных моделей в анализе многообразия режимных трансформаций «третьей волны». При этом нарабатанные на сегодня «тонны» теоретической литературы вряд ли дают основания для какого-либо однозначного вывода о том, какие из указанных факторов структурного и процедурного характера оказывают преимущественное влияние на результаты режимных изменений, а также «где» и «когда» это влияние проявляется наиболее интенсивно.

Проблема заключается в том, что для верификации посылок структурного и процедурного подходов к демократии и демократизации (и поиска направлений для их синтеза) *необходим выход за их методологические рамки и применение набора «третьих» методологий.*

Гипотезы

Гипотезы нашего исследования были изначально сформулированы на основе критического анализа основного блока значимой теоретической и эмпирической литературы, посвященной изучаемой проблематике.

1) *Стратегии политических акторов* имеют преимущественное значение на стадии начала и осуществления демократического транзита, тогда как *структурные факторы* приобретают ключевой характер на стадии демократической консолидации и в значительной мере определяют шансы на ее успех.

2) Роль структурных факторов является *определяющей* применительно к результатам режимных изменений в посткоммунистических и постсоветских странах (консолидированные демократии, «демократии с изъянами», гибридные режимы, новые автократии и диктатуры).

3) Структурные факторы могут задавать *пределы и «пороги» демократизации*, возможной в конкретном социально-историческом контексте.

4) Результаты режимных изменений (формирование новых демократий, «демократий с изъянами», гибридных режимов или новых автократий и диктатур) *связаны с качеством институтов*.

Эти исследовательские гипотезы, вытекающие из анализа теоретической и эмпирической литературы по проблематике проекта, проверяются в ходе исследования с использованием качественных и количественных методов.

Методология

В нашем исследовании используются различные качественные и количественные методы анализа. Прежде всего, это эмпирические методы сравнительного политического анализа (в частности, кросс-национальные сравнения и сравнительный анализ казусов, в данном случае – страновых казусов).

В качестве *независимых переменных* выступают, во-первых, экономические, социальные и политические (внутренние и внешние) факторы, а также стратегии и тактики политических акторов (которые по большей части определяются на основе экспертного анализа). Во-вторых, к числу независимых переменных относятся типологические разновидности политических режимов, формирующихся в ходе социально-экономических и политических трансформаций в посткоммунистических странах. Содержание этих переменных определяется на основе анализа измеряемых режимных характеристик посткоммунистических стран, фиксируемых различными рейтинговыми инструментами (от Polity IV и Freedom House до Bertelsmann Transformation Index и Democracy Index, рассчитываемых Economist Intelligence Unit и др.). Для унификации этих (в основном сильно коррелирующих) показателей мы используем специально разработанный в рамках проекта интегрированный индекс демократии. *Зависимые переменные* в нашем исследовании – это взаимовлияния между структурными и процедурными факторами, с одной стороны, и результатами режимных трансформаций в посткоммунистических странах, с другой.

В исследовании мы активно используем количественные методы (методы многомерного статистического анализа) применительно к специально созданной в рамках проекта статистической базе данных.

База данных и способы ее обработки

В соответствии с целью и задачами исследования наша первоначальная выборка включила в себя 29 *посткоммунистических стран*: Азербайджан, Албанию, Армению, Беларусь, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Латвию, Литву, Македонию, Молдову, Монголию, Польшу, Россию, Румынию, Сербию, Словакию, Словению, Таджикистан, Туркменистан, Хорватию, Чехию, Эстонию, Украину, Узбекистан, Черногорию.

С учетом наличия (либо отсутствия) требуемых статистических данных по выборке была осуществлена попытка выявить и сгруппировать структурные и процедурные переменные следующим образом.

1) Переменные, отражающие *характер экономического развития* (ВВП на душу населения; ежегодный прирост ВВП; экспорт товаров и услуг; импорт товаров и услуг; доля промышленного производства в ВВП; внешний долг; доля экспорта руд и металлов; доля экспорта топлива; и др.).

2) Переменные, отражающие различные *социально-демографические характеристики* (доля городского населения, годовой прирост населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении; уровень младенческой смертности; индекс Джини; телефонные линии в расчете на 100 человек; количество пользователей мобильной связью на 100 человек; уровень грамотности взрослого населения; комбинированный показатель начального, среднего и высшего образования; индекс образования; индекс человеческого развития; этническая фрагментация; религиозная фрагментация; преобладающая религия; индекс этнической поляризации; индекс религиозной поляризации; преобладающие и иные лингвистические группы; время существования суверенной государственности; и др.). При этом после серии пилотных исследований мы были вынуждены отказаться от попыток включения в число структурных переменных создаваемой базы данных факторов, отражающих особенности господствующей политической культуры. Попытки воспользоваться для этих целей базами данных, созданными в рамках проектов Р. Инглехарта и Х. Велзела («ценности эмансипации» – равенство, толерантность, автономия и самовыражение), а также проекта С. Фиша (равенство и толерантность), не дали сколько-нибудь значи-

мых результатов в силу отсутствия данных для слишком многих стран нашей выборки.

3) Иные переменные преимущественно структурного характера, рассчитываемые по *репрезентативным индексам* (индекс развития бизнес-среды; индекс правопорядка; индекс качества регулирования; индекс восприятия коррупции; индекс подотчетности власти; индекс политически мотивированного насилия и отсутствия стабильности; индекс эффективности государства; индекс качества регулирования отношений в частном секторе; индекс верховенства права; индекс контроля над коррупцией; индекс развития человеческого потенциала; индекс экономической свободы; и др.).

4) Переменные, отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций и их результатов в соответствии с *процедурным, актор-ориентированным подходом* (уровень конкуренции при выборах главы исполнительной власти; уровень конкуренции при выборах легислатур). Следует признать, что на данном направлении исследование столкнулось с серьезными ограничениями объективного характера в части наполнения статической базы. Дело в том, что, как выяснилось в ходе реализации проекта, для большинства процедурных переменных, заложенных в проект, практически не существует достоверных и универсальных статистических баз данных. Поэтому совокупность процедурных переменных и параметров их влияния на траектории и результаты режимных изменений применительно к 29 посткоммунистическим странам была нами проанализирована преимущественно на основе качественного сравнительного анализа страновых казусов.

5) Переменные, отражающие различные режимные и иные характеристики (в том числе уровни демократического развития) стран выборки по имеющимся временным рядам и *рассчитываемые по распространенным индексам* (Polity IV, индексы Freedom House, индексы Фонда Бертельсманна, индекс демократии Т. Ванханена, индекс развития человеческого потенциала ПРООН, индексы Transparency International, комплекс индексов Всемирного банка и др.).

Обсуждение результатов анализа

Избранная методология исследования, прежде всего в части использования многомерных статистических методов, изначально задала определенные *ограничительные рамки*. В частности, в базу данных была занесена информация по большинству (хотя и не по всем) структурных факторов демократии и демократизации. Процедурные, актор-ориентированные факторы в гораздо мень-

шей степени поддаются формализации (за исключением, пожалуй, таких переменных, как формат институционального дизайна и уровни политической конкуренции). В силу этих ограничителей мы сосредоточились на выявлении *влияния ряда ключевых структурных условий на результаты политических трансформаций* в посткоммунистических странах нашей выборки.

Из всей группы структурных переменных, занесенных в базу данных исследования, осуществленный анализ² выявил четыре наиболее значимых – ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень развития человеческого потенциала и уровень имущественного неравенства. Другие структурные переменные, как выяснилось, не являются для нашей выборки достаточно значимыми для определения влияния на результаты режимных изменений. В целом полученные нами результаты соответствуют (либо не противоречат) выводам ряда других исследований, сходных по своей исследовательской направленности, но различающихся по выборке и по методологии.

Полученные нами результаты, с одной стороны, в целом *подтверждают* четыре гипотезы нашего исследования, вытекающие из анализа существующей теоретической и эмпирической литературы, но с другой – *вносят в них важные коррективы*.

Осуществленный статистический анализ выборки из 29 посткоммунистических стран по избранной методологии фиксирует значимую (на уровне чуть менее 50%) зависимость между выделенными выше структурными переменными и результатами режимных трансформаций. В соответствии с исходными посылками нашего исследования эти результаты позволяют сделать вывод о том, что иное (тоже на уровне чуть более 50%) влияние на режимные результаты посткоммунистических трансформаций оказывают не структурные, а процедурные факторы – решения и действия ключевых политических акторов. Этот вывод подтверждается также осуществленным качественным сравнительным анализом страновых казусов.

Фактически мы в состоянии выявить *типологически различные модели взаимозависимости структурных и процедурных факторов и результатов режимных изменений* в анализируемых посткоммунистических странах. В одних случаях благоприятные структурные условия на старте трансформации (в 1989 г., 1991 г. или позднее) соответствуют траектории режимных изменений, ведущих к формированию новых консолидированных либеральных демократий. Это

² Количественный (корреляционный и регрессионный) анализ был осуществлен Д.К. Стукалом.

прежде всего – Чехия и Словения, которые уже в начале режимной трансформации имели наивысший для посткоммунистических стран уровень ВВП/чел. (11–12 тыс. долл.), высокие уровни ИРЧП и продолжительности жизни при рождении, а также средний коэффициент Джини. Другие посткоммунистические страны тоже с хорошими, но не столь высокими стартовыми условиями, вошли в группу новых демократий, хотя и «неполных», «с изъянами» (с точки зрения большинства индексов демократии) – Польша, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Сербия, Румыния, Украина, Хорватия, Черногория, Македония (ВВП/чел. – от 5 до 9 тыс. долл. и относительно высокие показатели по ИРЧП, продолжительности жизни и коэффициенту Джини). При этом же достаточно четко прослеживается зависимость между гораздо более низкими уровнями развития на старте посткоммунистических преобразований и возникновением «гибридных» режимов (Албания, Босния и Герцеговина, Армения, Грузия). Наконец, для новых авторитарных режимов (Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) характерны совсем низкие структурные условия на старте трансформации – ВВП/чел. от 1,5 до 3,5 тыс. долл., низкие показатели ИРЧП и продолжительности жизни при рождении и более высокий коэффициент Джини.

Казалось бы, структурный подход получает свои подтверждения. Судя по всему, действительно, существуют наиболее *благоприятные* объективные условия для формирования консолидированных демократий и существуют условия, *неблагоприятные* для демократии, которые ведут к воспроизводству новых форм авторитаризма. Это должно было бы подтверждать наши гипотезы о роли структурных факторов в процессах демократизации, особенно – на стадии демократической консолидации, а также о задаваемых ими пределах и «порогах» демократизации.

Однако с позиции структурного подхода не могут быть объяснены очевидные «аномалии». С одной стороны, это Россия, Белоруссия и Казахстан, у которых, казалось, были неплохие стартовые условия для демократической траектории развития (ВВП/чел. на уровне от примерно 5 до почти 9 тыс. долл. и высокие показатели ИРЧП). С другой стороны, Молдова и Монголия, бедные и малоразвитые страны (ВВП/чел. – от 1,5 до 2,5 тыс. долл.), которым в конце концов удалось выйти на формирование конкурентных демократических институтов и практик. Очевидно, что объяснение кроется во влиянии факторов иного, «неструктурного» типа – *факторах процедурных, актор-центрированных, в решениях и действиях, стратегиях и тактиках ключевых политических акторов*³. Этот вывод в нашем исследовании подтверждается как коли-

³ Осуществленный в нашем исследовании А.В. Загорским качественный сравнительный анализ страновых казусов и процедурных факторов выделит из всей их исходной совокуп-

качественным анализом, показывающим, что общий социально-экономический уровень развития способен объяснить результаты режимных изменений менее чем на 50%, так и проведенным качественным сравнительным анализом посткоммунистических страновых казусов.

Иными словами, при всех структурно-благоприятных предпосылках и структурно-неблагоприятных ограничителях *действия политических акторов способны в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений* (в нашем конкретном исследовательском случае – в посткоммунистических странах, хотя полученный вывод, скорее всего, может быть обобщен). Очевидно, что этот общий вывод также задает направленность дальнейшим, более дифференцированным исследованиям режимных изменений и влияющих на них факторов, в том числе на более широкой выборке, с использованием дополнительных релевантных переменных и различных методологических подходов⁴.

ности набор наиболее влиятельных, точнее – их иерархию по степени значимости. В качестве процедурных переменных наибольшей значимости выделяются следующие: инициирование реформ «сверху» или «снизу»; программа оппозиции; механизмы смены режима; избранная форма правления; способы разрешения конфликтов в процессе трансформации; и влияние внешних факторов. Данные значимые процедурные переменные в дальнейшем могут быть использованы при выявлении и объяснении конкретных причин, раскрывающих особенности траекторий политических трансформаций и режимных изменений. Эти причины нуждаются в более глубоком исследовании.

⁴ В нашем совместном с Б.И. Макаренко исследовании мы приходим к сходным выводам, хотя опираемся на иные качественные методы сравнительного анализа.